

© 1991 г.

АЛЕКСЕЕВ М. Е.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

Лезгинский язык, будучи младописьменным, не имеет длительной литературной традиции. Более того, даже наиболее ранние словарные собрания по кавказским языкам (например, Гюльденштедта или Палласа) XVIII в., где, согласно принятой в то время терминологии, название «лезгинские» охватывало все дагестанские языки, собственно лезгинские материалы отсутствовали. Первые записи на этом языке, сделанные Ю. Клапротом, по оценкам кавказоведов (см., например, [1, с. 16]), изобилуют неточностями и не могут служить надежным источником по истории лезгинского языка. Со времени написания лезгинской грамматики П. К. Усларом [2], работа над которой была завершена в 1871 г., в языке не произошло значительных изменений. В силу этого термин «историческая грамматика» в его традиционном понимании, подразумевающим регистрацию и анализ языкового развития по данным письменных памятников, не может быть приложен к лезгинскому языку. Тем не менее нам представляется правомерным говорить об исторической грамматике бесписьменных и младописьменных языков как об особом способе исследования их истории, отличном от их сравнительно-исторической грамматики.

К настоящему времени накоплен существенный опыт в изучении отдельных фрагментов грамматического строя лезгинского языка. В ряде работ, в основном на материале сравнения аналита имен в лезгинском и родственных языках, была предпринята попытка показать, что лезгинскому языку в прошлом не была чужда категория грамматических классов. Так, различие начальных согласных в лезг. *й-укI*, дарг. *δ-екI*, цах. *й-укI*, лак. *н-акI*, авар. *н-атI* «аршин, мера длины» интерпретируется как сохранение в сравниваемых языках различных префиксальных классовых показателей [3, с. 220—221; 4, с. 19 и др.]. В статьях Б. Б. Талибова при обоснованно осторожном подходе к членению такого рода в именах предлагается ряд сопоставлений, иллюстрирующих наличие окаменелых классовых префиксов в лезгинских глаголах, ср. *m(y)xun* «нести» при рут. *йи-хин* (I, IV кл.), *ри-хин* (II кл.), *ви-хин* (III кл.) и др. [5, с. 171; 6, с. 88]. Там же (см. также [7]) на основе анализа семантики однокоренных глагольных лексем предлагается реконструкция протолезгинской системы пространственных превербов (некоторые уточнения см. [8]). Значительное внимание было уделено отдельным аспектам развития падежной системы в лезгинском языке, в том числе исторической интерпретации совпадения эргатива и одного из локативов [9], а также отдельных диалектных особенностей [10, 11] и некот. др.

Как видим, многие грамматические категории лезгинского языка были подвергнуты специальному анализу в историческом аспекте. Тем не менее, суммируя эти исследования, трудно говорить о построении исторической

грамматики лезгинского языка. На наш взгляд, причиной этого является отсутствие хронологических рамок предлагаемых в упоминавшихся работах реконструкций. В частности, функционирование префиксальных классов показателей в именах существительных, если таковое и имело место, не может быть соотнесено ни с одним периодом в истории лезгинского языка, так как должно было утратиться еще в общедагестанскую эпоху (реликты его сохранились лишь в немногих дагестанских языках). Таким образом, исходным моментом для построения исторической грамматики лезгинского языка мы считаем некоторое реконструированное праязыковое состояние, с распадом которого началось самостоятельное функционирование лезгинского языка.

Как известно, лезгинский язык, наряду с табасаранским, агульским, рутульским, цахурским, арчинским, крызским, будухским и удинским языками, входит в лезгинскую подгруппу дагестанских языков (сюда же включают нередко и хиналугский язык, см. например [12], что, на наш взгляд [13; 14, с. 23—24], не имеет достаточных оснований). Соответственно, исходным для исторической грамматики лезгинского языка можно считать пралезгинское состояние, общее для всех языков лезгинской группы.

Надо сказать, что в последние годы сравнительно-историческая грамматика лезгинских языков пополнилась целым рядом работ по реконструкции общелезгинского состояния на различных уровнях языковой структуры (ср. [1, 15, 14, 16, 17]), что уже дает возможность говорить по крайней мере о двух хронологических срезах в истории лезгинского языка — исходном общелезгинском и конечном современном.

Поскольку в специальной литературе высказываются различные взгляды по тем или иным аспектам фонетики и морфологии общелезгинского языка-основы (помимо названных работ, следует упомянуть специальные статьи — Е. А. Бокарева [18] о реконструкции общелезгинской падежной системы, Е. Ф. Джейранишвили [19] о вопросительных местоимениях, А. А. Магометова [20] и Г. В. Топуриа [21] о личных местоимениях, В. И. Кикилашвили [22] о системе личных, указательных и вопросительных местоимений, Г. В. Топуриа [23, 24] о категории числа, а также о повелительном наклонении глагола [25], М. А. Алипулатова об именах числительных [26] и категории класса [27] и др.), представляется целесообразным кратко изложить нашу концепцию пралезгинского состояния [14, 16], которая нередко отличается от интерпретаций, предлагавшихся в перечисленных работах.

В области консонантизма в пралезгинском состоянии предполагается наличие противопоставления глухих придыхательных, непридыхательных (прерутивных), абруптивных и звонких согласных среди смычных, слабых и интенсивных глухих, а также звонких среди спирантов, глухих (с оппозицией по абруптивности/неабруптивности и интенсивности/неинтенсивности) и звонких среди аффрикат, слабых и сильных среди сонорных. Восстанавливается ряд латеральных, сохранившихся только в арчинском языке, противопоставление лабиализованных и нелабиализованных, фарингализованных и нефарингализованных и др. Общелезгинский вокализм включал фонемы *и, *е, *аь, *ы, *у, *о, *а и их фарингализованные корреляты.

Общелезгинская система склонения базировалась на принципе «двух основ»: прямая основа имени представлена формой абсолютного падежа; косвенная, образуемая от прямой с помощью целого ряда «вокалических» и «консонантных» аффиксов (последние, в том числе *-ра, *-йе, *-ни, *-ли,

*-*ти*, частично распределены семантически), вычлениется в остальных падежах — эргативе (нулевой показатель), генитиве (*-*н*), дативе (*-*с*) и локативах, образуемых сочетанием показателей пространственной ориентации, или локализации (в том числе — *-*л* «на ориентире», *-*л* «внутри ориентира», *-*л* «около ориентира», *-*к* «в соприкосновении с ориентиром», *-*х* «за ориентиром», *-*з* «перед ориентиром», *-*к* «между, внутри заполненного ориентира», *-*л* «под ориентиром»), и направления (нулевой показатель — локатив, *-*л* — директив, *-*н*(*а*) — терминатив, *-*ай* (?) — аблатив). Система именных классов, отражавшаяся в согласовании адъективов (прилагательных, числительных и местоимений) и глаголов, включала четыре класса: 1) мужской (**у*-/*р*-), 2) женский (**р*-/*р*-), 3) класс одушевленных (**с*-/*н*-), 4) класс неодушевленных (*-*й*-/*т*-). Помимо категории класса, центральной для глагольного словоизменения являлась категория вида, выражавшаяся противопоставлением совершенного (-*θ*-) и несовершенного (-*р*-) видов. Категория времени передавалась комбинацией отглагольных образований и вспомогательных глаголов.

Основные черты исходной синтаксической системы хорошо сохранились в современных лезгинских языках: здесь, в частности, противопоставлены абсолютная, эргативная и аффективная конструкция предложения, в значительной степени распространены причастные, деепричастные и масдарные обороты, выполняющие роль придаточных предложений, и др.

Между тем общелезгинское состояние в строгом смысле нельзя считать отправной точкой для истории собственно лезгинского языка. Дело в том, что в соответствии с общепринятой классификацией среди лезгинских языков выделяется так называемая восточнолезгинская подгруппа, включающая, помимо лезгинского, табасаранский и агульский языки. Строго говоря, исходным для исторической грамматики лезгинского языка следовало бы считать правосточнолезгинский хронологический уровень, однако его основные черты как по отношению к современным языкам, так и по отношению к общелезгинскому состоянию до настоящего времени, к сожалению, не стали предметом специального исследования. Единственным исключением является диссертация Б. Г.-К. Ханмагомедова [28], посвященная сравнению падежной системы табасаранского языка с системами склонения других восточнолезгинских языков.

Поскольку исследование Б. Г.-К. Ханмагомедова было осуществлено при отсутствии систематизированных сведений об общелезгинском состоянии, предлагаемые в нем выводы во многом отражают не общевосточнолезгинское, а более ранние состояния. Например, утверждение об образовании эргативного падежа (косвенной основы) посредством гласных *и*, *у*, *а* и согласных *θ*, *р*, *л*, *н* [28, с. 18]. Общелезгинский характер имеет и возводимая Б. Г.-К. Ханмагомедовым к восточнолезгинскому уровню система пространственных показателей [28, с. 20].

По нашим наблюдениям [13, с. 92], к восточнолезгинским инновациям можно было бы отнести из области морфологии широкое функционирование показателя мн. числа *-аp/-ep/-йар/-йир* и, соответственно, утрату других общелезгинских суффиксов, в окаменелом виде представленных в некоторых неразложимых ныне основах, например, *-*ым* (ср. таб. *κIурам* «копыто» при лезг. *κIур* «нога, копыто»; агул. *тIалтI-аж* «веснушка» при таб. *тIитI* и т. п.), *-*ап* (ср. таб. *слиб*, агул. *силеб* «зуб» при крыз., буд. *сил* и т. п.) и др.; наличие форманта направительного падежа *-ди*, используемого также в функции инструменталиса (ср. лезг. *гьуьмелди* «к морю»)

якIвалди «топором», таб. рьякдиъди «по дороге» / рубдиинди «иголкой», агул. хулахъди «к дому» / хурдалди «кулаком» и т. п.), и некот. др.

Наиболее яркой чертой восточнолезгинских языков является деградация системы именных классов, утраченной в лезгинском и агульском и функционирующей в редуцированном виде в табасаранском, где противопоставляются личный (показатель *-р- / -д-*) и неличный (показатель *-б-*) классы. При этом табасаранский язык сохранил также реликты еще одного неличного класса, отражаемого в числительных суффиксом *-д* (ср. *са-б кIул* «одна голова», но *са-д йигъ* «один день» и т. п.). Так как в лезгинском языке имена числительные маркированы окаменелым классным суффиксом *-д* (*са-д* «один», *къве-д* «два», *ппу-д* «три» и т. д.), можно полагать, что в общевосточнолезгинском состоянии этот класс был представлен более широко.

Помимо общих грамматических черт, восточнолезгинские языки дают ряд лексических изоглосс, ср. лезг., агул. *къвал*, таб. *гъвал* «бок», лезг. *къен*, таб. *гъIан*, агул. *гIавн* «внутренность» и др. [17, с. 92—94].

Учитывая, что к настоящему времени выявлен относительно небольшой комплекс явлений, увязываемых с собственно восточнолезгинским состоянием, нам представляется целесообразным исходить в исторической грамматике все же не из восточнолезгинского, а из общелезгинского хронологического уровня, фиксируя при этом по мере возможности особенности восточнолезгинского исторического среза как промежуточной ступени.

Современная лезгинская языковая область, по классификации У. А. Мейлановой [29, с. 3], распадается на три группы диалектов — кюринское, самурское и кубинское наречия. Лезгинским диалектам посвящена довольно большая литература, в том числе обобщающие монографии Р. И. Гайдарова [30] и У. А. Мейлановой [29], монографические описания ахтынского [31], гюнейского [32] и фийского [33] диалектов, диссертации [34, 35] и множество специальных статей, что дает исследователям достаточный материал для сравнения и реконструкции соответствующих архетипов.

В области фонетики внимание исследователей лезгинского языка привлекли следующие междиалектные соответствия:

1. Соответствия звонких и преруптивов, ср. литер. *биши* — ахт. *ппеши* «глухой», литер. *башкIул* — ахт. *ппашккул* «клок шерсти» и т. п. (*б/nn*); литер. *дувул* — ахт. *ттывыл* «корень», литер. *дугун* — ахт. *ттугун* «долина» и др. (*д/тт*); литер. *гурцIул* — ахт. *ккrcIыл* «щенок», литер. *гишин* — ахт. *ккешин* «голодный» и т. д. (*г/кк*).

Предполагается [1, с. 68—70], что соответствия такого рода являются результатом оглушения звонких. Между тем лезгинские диалекты дают и примеры, в которых представлены исключительно звонкие (ср. *буба* «отец», *бугъубугъ* «слепень» и др.). В силу этого для соответствий звонких и преруптивов исходными мы признаем преруптивы.

2. Соответствия абруптивов и преруптивов, ср. литер. *тIур* — ахт. *ттур* «ложка», литер. *тIвар* — ахт. *ттвар* «имя» и т. п. (*тI/тт*), литер. *кIел* — ахт. *ккел* «ягненок», литер. *кIун* — ахт. *ккун* «клин» и др. (*кI/кк*), литер. *чIем* — ахт. *ччем* «масло» (*чI/чч*) и др. В подобных соответствиях приходится постулировать особый ряд протофонем: интенсивные абруптивы. Дело в том, что как для обычных абруптивов, так и для преруптивов характерны иные междиалектные соответствия. В этом смысле термин «абруптивизация» для описания отмеченных соответствий [1, с. 74—78] является не отражением исторической выводимости, а экстраполяцией

синхронных чередований, характерных для литературного языка, о чем см. ниже.

3. Соответствия заднеязычных, шипящих и свистящих, ср. литер. *цIвел* — ярк. *кIвал* — ахт. *чIвал* «висок» и др. (*цI/кI/чI*), литер. *ццуьл* — ярк. *кжуьл* — ахт. *ччул* «сноп» (*цц/кк/чч*) и т. п.

При рассмотрении подобных соотношений естественно провести аналогию с процессами, имевшими место, например, в истории славянских языков. Очевидность подобной аналогии приводит исследователей к трактовке данных соответствий в качестве результата палатализации [1, с. 85—87]. Между тем данные некоторых диалектов дают основания усомниться в правильности такого рода аналогии. Так, хлютский говор имеет в подобных случаях двойные рефлексy: а) свистящие, ср. литер., ярк. *нуькI*, куб. *нуцI*, ахт. *нучI* — хл. *нуцI* «воробей», литер. *ццегв*, ярк. *ццегв*, куб. *ццез*, ахт. *ццваж* — хл. *ццез* «муравей»; б) шипящие, ср. литер. *ццуьл*, ярк. *кжуьл*, ахт. *ччул* — хл. *ччуьл* «сноп», литер. *цIвезь*, ярк. *кIвезь*, ахт. *чIвезь* — хл. *чIвезь* «сыворотка» и т. д.

Как логика внутренней реконструкции, так и внешние соответствия приводят нас к необходимости реконструировать в связи с приведенными соотношениями протолезгинские свистящие и шипящие лабиализованные аффрикаты, предполагая для яркинского диалекта процесс веляризации. Заметим, что исходные велярные в подобной позиции как будто сохраняются во всех диалектах, ср. литер., ярк. *кIвенкI*, курах. *кIлекIв*, куб., ахт. *кIлекI*, фийск. *кIуькI* «кончик».

4. Соответствия переднеязычных смычных и аффрикат, ср. литер. *ттвар-ццй* — гелх. *ттвар-ттй* «зернышко» (эрг.), литер. *цци* — гелх. *йаттй* «вода» (эрг.) и т. п. [29, с. 361]. Как видим, описываемый процесс проявляется только в аффиксе эргативного падежа (косвенной основы). В корневом материале, судя по имеющимся материалам, во всех диалектах в позиции перед передним гласным под ударением выступают аффрикаты. Впрочем, ср. литер. *киццйк* — мигр. *киттйк* «мушмула» [29, с. 249].

5. Из соответствий в области гласных следует выделить наличие ахт. *ы*, соответствующего литер. *у*, ср. ахт. *рыш* — литер. *руш* «девочка, дочь», ахт. *вын* — литер. *вун* «ты», ахт. *гым* — литер. *гум* «дым» и т. п. В подобных примерах можно восстанавливать протолезг. **ы*, в отличие от исконного **у*, сохраняющегося и в ахтынском диалекте, ср. *чIун* «волокно», *ттур* «ложка», *тIун* «кормушка» и т. п.

6. Ряд диалектов сохраняет утраченный в литературном лезгинском первый слог двусложных в прошлом существительных и глаголов, ср. литер. *ттвар* — фийск. *уттвар* «зернышко», *тIал* — фийск. *итIал* «боль», *ттун* — фийск. *уттун* «класть», *хуьн* — фийск. *уьхуьн* «хранить» и т. п.

В области морфологии лезгинские диалекты также сохраняют ряд явлений, которые с большей или меньшей степенью уверенности можно возводить к протолезгинскому уровню. В частности, в именном склонении обнаруживаются показатели, относящиеся к более древним пластам по сравнению с литературным языком, ср. джаб. *тIачы'* — литер. *тIачуни* (эрг.) «напиток из проросших семян ячменя», *кIаьIы'* — *кIаьIуни* (эрг.) «пень», *лаьа* — *лаьади* (эрг.) «белая глина», *хoIхуI* — *хвехуьни* (эрг.) «орех» и т. п., где формы джабинского диалекта [35, с. 14] содержат более архаичные «вокалические» показатели косвенной основы.

По свидетельству У. А. Мейлановой [11, с. 149], кузунский диалект кубинского наречия сохранил утерянный ныне как литературным языком, так и другими диалектами вокатив, ср. *тхай* < *тха* «дядя», *дидей* < *диде*

«мать» и т. п. Хотя не исключается возможность иной интерпретации возникновения этой грамматической формы — на основе словообразовательного уменьшительно-ласкательного суффикса [14, с. 113], упускать из виду альтернативную возможность не представляется целесообразным.

Немало примеров сохранения архаических явлений дает и глагольная морфология лезгинских диалектов. Так, ахтынский диалект сохранил исконные тематические гласные в целевой форме, в то время как в литературном лезгинском они в настоящее время уже во многом унифицированы, ср. *уцукъаз* «сидеть», но *акъазыз* «стягиваться» при литер. *ацукъыз*, *акъажыз* и т. п.

В фийском диалекте хорошо сохранилось исконное противопоставление видовых основ, ср. масд. *алукъу* — цел. ф. *алуркъаз* «упасть», *атлу* — *аратлуз* «резать», *асу* — *алсаз* «белить», *тлушу* — *тлулушаз* «топтать» и т. п. В этом же диалекте некоторые основы совершенного вида включают в свой состав окаменелый показатель IV класса -*д*- (-*т*-, -*тI*-), ср. масд. *къитку* — цел. ф. *къилгаз* «прыгать», *цледгъуь* — *целургъаз* «скользить» и т. д. [33, с. 27].

В ряде диалектов, например, в курахском [29, с. 166], форма запретительного наклонения в отдельных случаях образуется не суффиксацией, а префиксацией показателя *ми*-, ср. кур. *мигъир* — литер. *гъимир* «не носи» и т. п. Подобные примеры можно считать архаизмами, поскольку суффиксация объясняется возникновением аналитических форм запретительного наклонения, образуемых сочетанием глагольной основы с запретительной формой вспомогательного глагола *миир* (>*мир*) «не делай».

Достаточно информативной оказывается подчас фонетическая форма некоторых диалектных аффиксов. Дело в том, что наличие своеобразных междиалектных соответствий в морфологическом инвентаре облегчает задачу верификации некоторых реконструкций. Так, возведение показателя пространственной ориентации -*в* «у, около» к прадезг. **-лѣв* подкрепляется следующими рефlekсами: ярк. -*г*/*-гв*/*-в*, курах. -*г*, ахт. -*г*/*-в* (вариант -*в*, возможно, обусловлен влиянием литературных форм).

Показатель аблатива -*ай* (ср. *столдихъай* «из-за стола» и т. п.) возводился нами [14, с. 48] предположительно к прадезг. **-ай*. Между тем учет диалектных данных предполагает несколько иное решение, ср. курах. -*а*/*-агъ*, докузпар. -*агъ*, ахт. -*ā*/*-āь* и т. п. [29, с. 155, 211, 295—296]. Как видим, литер. -*й* может являться компенсацией утраты конечного -*гъ*, увязываемого в свою очередь с глагольным превербом *акъ*-/*экъ*- «вне, из» (о превербе см. [14, с. 118]).

Сопоставление диалектных данных, определение архаизмов и инноваций, а также восстановление соответствующих архетипов в данном случае предполагает наличие в истории лезгинского языка еще одного хронологического среза — протолезгинского состояния накануне его диалектного дробления¹. Безусловно, возведение к этому состоянию того или иного диалектного явления или же его признание инновацией в каждом конкретном случае зависит от многих обстоятельств. Между тем в прак-

¹ Нельзя не согласиться с мнением об условности термина «наиболее позднее праязыковое состояние» или «праязыковое состояние накануне распада», «вошедшего в словоупотребление компаративистов еще в период безраздельного господства в науке концепции родословного древа» [36]. В то же время предположение о сосуществовании в праязыковую эпоху нескольких родственных диалектов не дает для практики реконструкции сколько-нибудь существенной альтернативы.

тике диалектологических исследований нередко выбирается априорный подход, ведущий к ошибочным результатам. Как правило, в описаниях диалектов в качестве языка-эталоны выбирается литературный язык. Это приводит подчас к формулировкам диахронического порядка, в которых за исходную принимается литературная форма, а диалектная трактуется как результат того или иного процесса.

В частности, в описании джабинского диалекта [35, с. 11—12], рассматривается процесс палатализации, устанавливаемый на основе соотношений джаб. *ччугъвена* — литер. *гугъуьна* «сзади», *ччуьлуь* — *кчуьлуь* «мелкий», *ччорелди* — *ккверелди* «коротко», *ччъь* — *ккъь* «вы» и др. В то же время, как уже отмечалось выше, некоторые диалектные данные позволяют предполагать противоположное направление процесса. Следует к тому же добавить, что и внешние данные свидетельствуют о веларизации исконных свистящих и шипящих, ср. рут. *ныцI*, арч. *ноцI* «воробей», таб. *зимз*, агул. *забз*, крыз. *дыз* «муравей», но рут. *джваьл*, цах. *джол* «сноп», таб. *чIвегъ*, рут. *чIвечь*, арч. *ноIчIоI* «сыворотка» и т. п.

Выведение диалектной формы из ее литературного коррелята можно усмотреть и в следующей формулировке: «Переднеязычный абруптив *mI* в говорах (кубинского наречия.— А. М.) дезабруптивируется и превращается в преруптив *mm*» [37, с. 15]. Действительно, во многих словах наблюдается соотношение *mm/mI*, ср. *mmвар* — *mIвар* «имя», *mmур* — *mIур* «ложка» и т. д. Однако можно привести не меньше примеров, в которых *mI* сохраняется, ср. *mIуб* «палец», *mIун* «кормушка» и др. Надо сказать, что в сравнительно-исторической фонетике лезгинских языков давно установлено, что данное соотношение дают исконные геминированные абруптивные аффрикаты, т. е. *mm/mI* < пралезг. **цIцI* [1, с. 297—298]. Неясно, впрочем, можно ли постулировать для протолезгинского промежуточную ступень **mImI*. Во всяком случае в подобных очевидных ситуациях диалектологическое описание, на наш взгляд, целесообразнее строить на исторических принципах.

Конечно, при том, что ряд лезгинских диалектов представляет собой зону архаизмов, и здесь можно обнаружить достаточное количество явлений более позднего образования. Одним из них можно считать делабиализацию лабиализованных согласных, ср. лазин. *кIол* — литер. *кIвал* «дом», *mIол* — *mIвал* «прут», *сос* — *свас* «невеста» и т. п. [34, с. 8]; джаб. *кIет* — литер. *кIватI* «клубок», *марк* — *маркв* «стог», *ппаг* — *ппагв* «ребро», *моьж* — *маьжв* «астрогол» [35, с. 10] и др.

Другим исходным моментом, позволяющим фиксировать более ранние этапы развития лезгинского языка, являются различного рода аномалии, в том числе и морфологические чередования. Наиболее разнообразны чередования в именном словоизменении лезгинского языка. Так, в склонении ряда имен имеет место альтернатива *к/кI*, *m/mI*, *хъ/къ* и некот. др., где первый член корреляции выступает в конце слова, а второй — в середине слова, ср. *неж* «молоко» — эрг. п. *некIеди*, *нет* «вошь» — мн. ч. *нетIер*, *рехъ* «дорога» — эрг. п. *рекъи* и т. п. В литературе, в том числе и сравнительно-исторического жанра, это явление описывается обычно как переход глухих в абруптивы. Легко видеть, что подобное решение основывается на представлении об абсолютном (именительном) падеже как об исходном в словоизменительной системе. С исторической точки зрения дело обстоит иначе. В лезгинском языке, во-первых, имеется немало существительных с глухим придыхательным, выступающим как в конце, так и в середине слова, ср. *куьк* «вилы» — эрг. п. *куьк-уьни*, и, во-вторых, не менее представительна здесь группа слов с абруптивным согласным,

сохраняющимся в обеих позициях, ср. *рикI* «сердце» — эрг. п. *рикIи* и т. п.

Использование приемов внутренней реконструкции приводит нас к необходимости восстановления для данного ряда чередований особой группы фонем. Любопытно, что такой вывод полностью согласуется как с диалектными данными (ср. соответствие *тт/тI* и др.), так и с данными родственных языков, на основе которых в общезезгинское состояние проектируются геминированные абруптивные аффрикаты **цIуI* (> лезг. *т/тI*), **л̄ьI* (> лезг. *к/кI*), **к̄ьI* (> лезг. *х̄ь/к̄ь*), см. [1, см. 297—298; 309—310, 311—313].

Ряд аномалий в спряжении лезгинского глагола позволяет сформулировать некоторые предположения об историческом облике глагольного словоизменения. Так, в свое время Б. Б. Талибов обратил внимание на нерегулярные соотношения типа *к̄ьин* (масд.) — *рек̄ьиз* (цел. ф.) «умереть» [5, с. 171]. По предположению Б. Б. Талибова, целевая форма сохраняет окаменелый классный показатель. В нашей работе [14, с. 77] предложена иная интерпретация: подобные пары (ср. также *к̄ьун* — *рек̄ьиз* «стыть, остывать», *тIуьн* — *нез* «есть») представляют собой реликты противопоставления видовых основ, в пользу чего свидетельствует не только сфера употребления основ масдара и целевой формы, но и сохранившееся в фийском диалекте регулярное их противопоставление.

Наличие вариантов по показателю каузатива (переходности) *-р/-ар-*, ср. *дакIу-н* «пухнуть» — *дакIу-р-ун*, *ацук̄ьу-н* «сесть» — *ацук̄ь-ар-ун*, служит косвенным подтверждением гипотезы об исконном противопоставлении в лезгинском языке различных тематических гласных в основе инфинитива (целевой формы), см. [38, с. 112].

Следует заметить, что такого рода аномалии иногда ведут и к интересным выводам лексического порядка. Так, исследуя супплетивизм образования отдельных форм лезгинских глаголов *фин* «идти» и *аттун* «приходить», Г. В. Топуриа пришел к следующему заключению: «для передачи значения „ходить“, „идти“ в лезгинском языке в прошлом использовались три самостоятельных глагола: *qqin* „ходить“ (вообще); *attun*, указывающий на направление к говорящему. Удаление же от говорящего передавалось глаголом, где корневым элементом являлся *џ*» [39, с. 230].

В то же время было бы, наверное, ошибкой сводить внутреннюю реконструкцию лишь к поиску единого архетипа для сосуществующих на современном уровне нескольких вариантов морфологических показателей. Особенно важно иметь в виду данное обстоятельство в тех случаях, когда разнообразие морфологических средств может быть обусловлено не только имеющими место фонетическими процессами, но и различными источниками формирования грамматической категории. Наглядной иллюстрацией этого положения может служить проблема исторической интерпретации аффиксов косвенной основы (эргативного падежа) *-ди*, *-уни/-уни*, *-ади/-еди*, *-ра/-ре* (гласный аффикса зависит от гласного основы). Согласно Б. Б. Талибову, подобное разнообразие объясняется следующим образом: «...показатель эргатива *д* в определенных фонетических позициях претерпел следующие изменения: 1) перешел в *цц*, *цI*, *чч*, *чI*, (*д*)*ж* в позиции перед узкими гласными; 2) перешел в *н* в позиции между узкими гласными; 3) перешел в *р* в позиции перед широкими гласными под ударением» [40, с. 134]. Если трактовка вариантов *-цци*, *-цIи* и т. п. в данном случае не вызывает сомнения, то аналогичная интерпретация суффиксов *-уни/-уни*, *-ади/-еди*, *-ра/-ре* в значительной степени проблематична уже потому, что в качестве показателя выделяется только согласный.

Между тем сформулированные Б. Б. Талибовым условия, в которых появляется афф. -н, выполняются далеко не во всех диалектах, ср. хурюгск. *рапп-ани* при литер. *раппуни* «игла», *гъал-ани* — *гъалуни* «нитка» и т. д. [29, с. 297]. Видимо, вопрос о фонетическом распределении рассматриваемых аффиксов можно было бы решать только после определения исходного вокализма.

Более того, фонетические условия перехода $\partial > н$ за пределами афф. -уни/-уни не выполняются, ср. *ттини* «тесто» — эрг. п. *ттини-ди*, *яцIу* «толстый» — *яцIу-ди* (субст.) и т. п. В то же время имеются основания семантической трактовки указанных аффиксов: как неоднократно отмечалось в специальной литературе (см., например [3, с. 221]), *-peI-ра* выступает в названиях животных; *-уни/-уни* — в исчисляемых существительных (*рапп-уни* «игла» и т. п.), *-ади/еди* — в неисчисляемых (*жив-еди* «снег» и т. п.), что находит параллели в родственных языках (подробнее см. [41]). Что же касается *-ди*, признаваемого Б. Б. Талибовым исходным, то его генезис можно увязать с аффиксом субстантивации прилагательных (ср. *яцIу* — *яцIуду*). В процессе развития лезгинской системы склонения этот аффикс распространился первоначально на двусложные и многосложные имена существительные (видимо, по аналогии с прилагательными, как правило, имеющими двусложную структуру). В силу того, что ряд исконно двусложных отглагольных имен с суффиксами *-ар-*, *-ан*, *-ал* утратил впоследствии первый слог, сфера употребления афф. *-ди* расширилась, включая уже и односложные имена, в том числе и исконные (по аналогии) с сопорным исходом. В отличие от исконно двусложных слов, в последних афф. *-ди* становится ударным и под ударением трансформируется в *-цци*, *-цIи*, *-ччи*, *-чIи*, *-(\partial)жи*. Заметим, что последний процесс имел место уже после диалектного дробления лезгинского языка, поскольку в некоторых диалектах сохраняется исконный смычный, ср. хлют. *чIар-тти* «волос» (литер. *чIар-чIи*), *шар-тти* «червь» (литер. *шар-ччи*), *ццел-тти* «бурдюк» (литер. *ццел-цци*) и т. п. Аффрикатизация суффикса в хлютском говоре также имеет место, но только при отсутствии в основе слова шипящих и свистящих спирантов и аффрикат, ср. *кквар-цци* «кувшин», *ппер-цци* «лопата» и т. п.

Наконец, на относительно позднем этапе аффиксом *-ди* стали оформляться также односложные слова с шумным исходом, но только заимствованные. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, служит дополнительным свидетельством в пользу предлагаемой трактовки. Коль скоро речь зашла о заимствованиях, нелишним представляется напомнить, что для исторической грамматики бесписьменного или младописьменного языка их показания играют порой первостепенную роль. Например, рассматривая способы образования косвенных основ у заимствований, можно прийти к следующим выводам:

1. Косвенные основы на гласный имеют только исконные имена (ср. *вил-и* «глаз», *муртI-у* «угол», *кIвенкI-уь* «кончик», *руш-а* «девочка», *хил-е* «ветвь» и т. д.);

2. Основная группа заимствований из восточных языков (арабского, персидского, азербайджанского) принимает семантически распределенные аффиксы *-уни/-уни*, *-ади/-еди*, *-раI-ре*, ср. *мих-уни* «гвоздь», *пай-уни* «часть», *шир-еди* «краска», *ягъ-ади* «масло» (техн.), *биж-ре* «внебрачный ребенок», *къаз-ра* «гусь» и др.;

3. Заимствования из русского языка и, надо полагать, более поздние заимствования из восточных языков принимают афф. косвенной основы *-ди*, ср. *тип-ди* «тип», *кит-ди* «кит», *шар-ди* «шар»; *яш-ди* «возраст», *багъ-ди* «сад», *нур-ди* «луч» и т. д. Исключением в данном случае являются имена

с конечным комплексом согласных, где употребление *-ди* невозможно по фонетическим причинам и используется более нейтральный в семантическом отношении суффикс из числа «консонантных» *-уни/-уни*, ср. *бинт-уни* «бинт», *зарб-уни* «быстрота», *фурс-уни* «заносчивость» и др.

Вышеназванные группы аффиксов можно было бы соотносить с определенными периодами в истории лезгинского языка, однако наличие внешних соответствий не только у вокалических показателей, см. [42], но и у консонантных [41] предполагает их сосуществование уже на ранних этапах самостоятельного развития лезгинского языка, причем на более поздних ступенях вокалические показатели полностью теряют свою продуктивность. На такое направление, кстати, указывает и анализ производных слов, ср. *нетIe-ч* «вшивый», образованное от вокалической косвенной основы, при современной консонантной косвенной основе *нетIpe-*. Впоследствии в связи с экспансией показателя *-ди* утрачивают продуктивность и консонантные показатели.

Рассмотренные выше примеры позволяют говорить о трех способах хронологизации в истории лезгинского языка. Первый способ основывается на данных глоттохронологии и устанавливает приближительные временные границы существования общезлезгинского, общевосточнолезгинского (по нашим подсчетам, соответственно не позднее нач. I тыс. до н. э. и сер. I тыс. н. э.) и протолезгинского (данных пока нет). Второй способ хронологизации, учитывающий данные заимствований, принимает во внимание временные рамки контактов лезгинского языка с соседними языками, послужившими основным источником усвоенной лексики, — арабским, персидским и азербайджанским (в основном не раньше конца I тыс. н. э.). Третий способ хронологизации, так называемая относительная хронология, дает возможность располагать на временной оси различные процессы относительно друг друга без увязки с их абсолютной хронологией. О четвертом способе хронологизации, увязывающем историю языковых явлений с экстралингвистическими свидетельствами, говорить пока не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Талибов Б. Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
2. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI: Кюринский язык. Тифлис, 1896.
3. Гаджиев М. М. Следы грамматических классов в лезгинском языке // Уч. зап. ИИЯЛ. 1958. Т. 5.
4. Мейланова У. А. Об отражении категории класса в именах существительных дагестанских языков // Уч. зап. ИИЯЛ. 1964. Т. 13.
5. Талибов Б. Б. О некоторых окаменелых и полуокаменелых элементах в структуре лезгинского языка // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960.
6. Талибов Б. Б. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.
7. Талибов Б. Б. Превербь в системе лезгинского глагольного корня // Уч. зап. ИИЯЛ. 1958. Т. 5.
8. Топурия Г. В. К истории взаимоотношения предлогов и послеложных падежей в лезгинском языке // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.
9. Топурия Г. В. О взаимоотношении эргативного и местного IV падежей в лезгинском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
10. Гайдаров Р. И. О некоторых исторически значимых особенностях лезгинских диалектов в области склонения // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987.
11. Мейланова У. А. Исторические сдвиги в падежной системе лезгинского языка // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987.

12. *Талибов Б. Б.* Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы // Уч. зап. ИИЯЛ. 1960. Т. 7.
13. *Алексеев М. Е.* К вопросу о классификации лезгинских языков // ВЯ. 1984. № 5.
14. *Алексеев М. Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.
15. *Казадзе О. И.* Грамматические классы в лезгинских языках. Тбилиси, 1984. (на груз. яз.).
16. *Алексеев М. Е.* Сравнительно-историческая грамматика лезгинских языков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1988.
17. *Загиров В. М.* Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987.
18. *Бокарев Е. А.* К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960.
19. *Джебраишвили Е. Ф.* Вопросительные местоимения в языках лезгинской (кюринской) группы // ИКЯ. 1955. Т. 7 (на груз. яз.).
20. *Магомедов А. А.* Личные местоимения лезгинских языков // Мацне. 1963. № 4.
21. *Топуриа Г. В.* О категории инклюзива — эксклюзива в лезгинских языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.
22. *Кикилашвили В. И.* Местоимения в языках лезгинской группы (Личные, указательные, вопросительные): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1986.
23. *Топуриа Г. В.* К образованию множественного числа в лезгинских языках // ИКЯ. 1973. Т. 18 (на груз. яз.).
24. *Топуриа Г. В.* К вопросу о склонении имен существительных во множественном числе в лезгинских языках // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.
25. *Топуриа Г. В.* Об отрицательном повелительном и образующей его основе в лезгинских языках // Тр. Тб. ГУ. 142. Гум. науки. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).
26. *Алипулатов М. А.* Имя числительное в языках лезгинской группы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1965.
27. *Алипулатов М. А.* Категория грамматического класса в языках лезгинской группы // ЕИКЯ. 1974. Т. 1.
28. *Ханмагомедов Б. Г.-К.* Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1958.
29. *Мейланова У. А.* Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964.
30. *Гайдаров Р. И.* Лезги ч'алан диалектология. Махачкала, 1963.
31. *Гайдаров Р. И.* Ахтынский диалект лезгинского языка (по данным села Ахты). Махачкала, 1961.
32. *Мейланова У. А.* Гюнейский диалект — основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970.
33. *Абдулжамалов Н. А.* Фийский диалект лезгинского языка (Особенности консонантизма. Система глагола). Махачкала, 1965.
34. *Гюльмагомедов Г. А.* Куткашенские говоры лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1966.
35. *Ганиева Ф. А.* Джабинский диалект лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1980.
36. *Климов Г. А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990. С. 79.
37. *Мейланова У. А.* Звуковые процессы в консонантной системе юго-западных говоров кубинского наречия лезгинского языка // Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1979.
38. *Алексеев М. Е., Шейхов Э. М.* О генетической связи суффикса каузатива и показателя множественного числа имен в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.
39. *Топуриа Г. В.* К истории некоторых глагольных основ в лезгинском языке (по данным диалектов) // ЕИКЯ. 1976. Т. 3.
40. *Талибов Б. Б.* О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке // Уч. зап. ИИЯЛ. 1962. Т. 11.
41. *Алексеев М. Е.* К реконструкции пралезгинских показателей косвенной основы на согласный // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987.
42. *Старостина С. А.* Реконструкция пралезгинских именных косвенных основ на гласный // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. Девятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков: Тез. докл. Махачкала, 1981.